

Андрей Гринёв

Специфика товарообмена русских с туземцами Аляски в 1741–1867 гг.

Осваивая Аляску, русские первоначально не ориентировались на товарообмен с туземцами, а предпочитали либо добывать ценную пушнину самостоятельно, либо получать ее, эксплуатируя местных жителей с помощью внеэкономического принуждения и долговой кабалы. Торговля русских с туземцами осложнялась хроническим товарным дефицитом, дороговизной доставки товаров, узким ассортиментом и запретом на продажу алкоголя и огнестрельного оружия. В ходе российской колонизации Америки сложились три системы товарообмена, имевшие свою специфику. Развитие пушной торговли трагически отразилось на судьбе многих аляскинских туземцев, но вместе с тем способствовало относительному сокращению межплеменных и внутригрупповых конфликтов и улучшению быта коренного населения, существенно повлияв на их материальную культуру.

Ключевые слова: туземцы Аляски, российская колонизация, Русская Америка, товарообмен, торговая конкуренция, материальная культура.

Еще до появления у берегов Аляски первых русских путешественников в середине XVIII в. здесь была хорошо развита меновая торговля между племенами и группами индейцев, эскимосов и алеутов. Ее основой служили естественные различия в природных ресурсах тех или иных регионов и хозяйственная специализация аборигенных сообществ. Так, атапаски атна были известны поставками на межплеменной рынок самородной меди, которая в изобилии встречалась на их территории проживания [Соорег 2012]. С побережья Калифорнии и с о-ва Ванкувер на Аляску посредством обмена попадали перламутровые раковины абалонны (*Haliotis*) и трубчатые раковины денталии (*Dentalium*), впоследствии ставшие известными в Русской Америке как «цукли». Они очень высоко ценились на Алеутских о-вах и у внутриматериковых атапасков. Как сообщал в середине XIX в. русский миссионер И.Е. Вениаминов, в старину алеуты предпринимали дальние походы вплоть до п-ва Кенай только для того, чтобы получить несколько цуклей [Вениаминов 1840: 112–113]. Эти раковины поставляли северным племенам индейцы тлинкиты, населявшие берега и прилегающие острова Юго-Восточной Аляски. Они издревле вели товарообмен с племенами юга — хайда и цимшиан, получая от них не только доро-

Андрей Вальтерович Гринёв

Гуманитарный институт
Санкт-Петербургского
государственного
политехнического университета
Петра Великого,
Санкт-Петербург
agrinev1960@mail.ru

гие раковины, но и рабов, каноэ из красного кедра и некоторые ремесленные изделия и предлагая взамен самородную медь, дубленые лосиные шкуры, тканые накидки и т.д. В свою очередь тлинкитские торговцы продавали своим северным и восточным соседям — внутриматериковым племенам атапасков — сушеную рыбу, рыбий жир, ремесленные изделия и раковины, получая взамен самородную медь, дубленые олени и лосиные шкуры, пушнину, шерсть горных коз для изготовления знаменитых накидок «чилкат» [Аверкиева 1974: 150–151].

Открытие Аляски и Алеутских о-вов экспедицией В.Й. Беринга — А.И. Чирикова в 1741 г. послужило прологом к российской колонизации этих земель, следствием чего стали определенные изменения в межплеменном обмене и появление новых, ранее неизвестных туземцам предметов. Впрочем, масштабы этих перемен не следует преувеличивать. Дело в том, что в самой России по сравнению со странами Западной Европы торговля была развита незначительно в силу природных, исторических и социально-экономических причин (преобладание замкнутого натурального хозяйства, господство государства в экономике, крепостное право и т.д.) [Рязанов 1998: 316–318]. Кроме того, немалые трудности и расходы были связаны с доставкой товаров на огромные расстояния по сибирскому бездорожью на Камчатку и в Охотск, откуда начиналось освоение Алеутских о-вов и Аляски. Поэтому характерной чертой первого этапа российской колонизации Нового Света была крайняя дороговизна привозных русских, европейских и китайских товаров и их частая нехватка. Это приводило к тому, что русские купеческие компании, которые приступили к освоению Алеутских о-вов после экспедиции В.Й. Беринга — А.И. Чирикова, поначалу не были настроены на развитие широкого товарообмена с туземцами. Они предпочитали добывать пушнину — главное богатство Аляски — либо с помощью нанятых на Камчатке и в Сибири промышленников (русских, камчадалов, эвенков и др.), либо посредством подчиненных им туземцев (алеутов, а затем южных эскимосов). В этом заключалась специфика российской колонизации, отличающая ее от ситуации во Французской Канаде или в зоне англо-американской колонизации, где европейцы приобретали пушнину у индейцев благодаря хорошо развитой бартерной торговле.

Посредством товарообмена русские, в отличие от других европейцев, получали у местных алеутов, а затем эскимосов относительно незначительную часть пушнины, расплачиваясь с ними одеждой, европейской и китайской материей, тюленьими шкурами (лафтаками) для обтяжки деревянных каркасов байдарок, медными котелками, иглами, бусами и другими по-

добными товарами [Исследования русских 1989, 1: 86, 89–91]. Многие приобретенные от русских вещи благодаря межплеменной торговле распространялись затем на огромные расстояния. Так, участники экспедиции британского капитана Джеймса Кука, которые первыми побывали в заливе Принс-Уильям на Аляске в 1778 г., еще до прихода туда русских промышленников, видели у местных эскимосов чугачей бусы голубого цвета явно не туземного происхождения [Кук 1971: 313].

Приступив к освоению Алеутских о-вов в середине XVIII в., русские чаще практиковали не столько товарообмен с местными жителями, сколько преподношение даров, которое не подразумевало немедленного эквивалентного возмещения стоимости передаваемой партнеру вещи и служило для установления дружеских контактов, гарантировало выполнение в будущем каких-либо услуг, выплату ясака (дань пушниной) в царскую казну и т.п. Для поощрения «ясачного платежа» и привлечения на свою сторону алеутских старейшин охотская и камчатская администрация, а также иркутские губернаторы передавали через мореходов лояльным туземцам различные подарки: разноцветные бусы и бисер, оловянные тарелки, иглы, табак и даже морские кортики и кафтаны из красного сукна [Хлебников 1979: 174]. Специальные подарки, предназначенные для раздачи туземцам, получали также члены правительственных исследовательских экспедиций. Сохранился список вещей, раздаренных участниками экспедиции П.К. Креницына — М.Д. Левашова на о-ве Уналашка в 1768 г.: 5 медных котлов, 1,5 фунта бисера, 500 иголок, 4 королька (крупные бусы, обычно голубые, очевидно, китайского производства [Francis 1994: 284–285]), 1 козлиная шкура и 2 аршина красного сукна [Исследования русских 1989, 1: 182]. Конечно, подобные подарки нельзя рассматривать как объекты товарообмена между русскими и туземцами, поскольку они не предусматривали получения торговой прибыли, а их преподнесение преследовало совершенно иные цели.

Первоначально русские промышленники в основном сами добывали пушнину с помощью ружей, капканов, сетей. Однако вскоре, заметив, что местные алеуты и южные эскимосы были гораздо более успешными зверобоями благодаря многовековым традициям и хозяйственной специализации, они стали активно привлекать местных туземцев к пушному промыслу в составе байдарочных флотилий при охоте на самого ценного промыслового зверя — калана. Часть туземцев, в том числе старики и молодежь, участвовали также в сухопутной охоте на лис, песцов, морских котиков и птиц; вместе с туземными женщинами они ловили и заготавливали рыбу и другое продовольствие для русских промышленников. Последние для принуж-

дения туземцев к труду широко применяли уже сложившуюся ранее в Сибири практику аманатства (заложничества) и долговую кабалу. Русский морской офицер М.Д. Левашов, зимовавший в 1768–1769 гг. на о-ве Уналашка, оставил следующее любопытное описание взаимоотношений между алеутами и пришельцами:

И по прибытии к тем островам для зимовки [русские промышленники] заходят в заливы, вытаскивая суда на берег, стараются как тово острова, так и поблизости лежащих других островов взять от жителей детей их в аманаты, естли не удастца ласкою, тогда берут и силою. А как оное исправят, тогда тем жителям раздают свои клепцы [капканы], которыми промышляют лисиц. Сверх тово дают же им котовые и сиучьи кожи [шкурки морских котиков и тюленей], называемые лафтаки, для обтягивания их байдарок, бисер и корольки, козлиную шерсть и небольшие медные котлы. И так тех обывателей задолжат, которые во все их бытие на том острове стараются кормить рыбою и кореньем. Где б какова зверя не промыслили на берегу и на воде, все отдают промышленным [Русская Тихоокеанская эпопея 1979: 357].

Естественно, что заложничество и принудительная долговая кабала имели мало общего со свободной торговлей, которая существовала в Северной Америке между французами и англичанами, с одной стороны, и индейцами — с другой. Соответственно, среди предметов, попадавших к алеутам от русских в результате такого своеобразного «товарообмена», отсутствовало огнестрельное и холодное оружие, которое было важной частью товаров, поставлявшихся, например, британскими торговцами своим индейским партнерам (ружья и томагавки). Кроме того, в отличие от зоны англо-американской колонизации, при контактах русских с коренным населением в XVIII в. алкоголь не играл практически никакой роли ни в качестве угощения туземцев, ни в качестве товара при покупке у них пушнины (см. подробнее: [Grinev 2010]). Это объяснялось не заботой о здоровье местного населения, а крайним дефицитом и дороговизной спиртного у самих русских промышленников. Место алкоголя занимал табак, который, как и в Сибири (см.: [Шаповалов 2000]), пользовался особым спросом у туземцев. Это были завозимые из Китая так называемый «шар» и черкасский табак с Украины, который туземцы жевали или нюхали. Табак был действенным стимулом к промысловой деятельности и превратился для туземцев российских колоний в своего рода наркотик, точно так же, как листья кустарника коки (которые шли на производство кокаина) — для индейцев на испанских рудниках в Перу. «Приверженность же к табаку в них так велика, — писал миссионер И.Е. Вениаминов, — что Алеут

без табаку уныл и скучен и более недейтелен» [Вениаминов 1840: 53].

После полного подчинения Алеутских о-вов и основания первых постоянных русских поселений на о-ве Кадьяк и близлежащих территориях американского материка в конце XVIII в. русские купеческие компании начали проведение торговых операций с местными эскимосами аляутиик и чугачами, индейцами танаина (денаина), атна, эяк и тлинкитами (колошами). Часть этих туземцев, в первую очередь южных эскимосов, русские покорили силой оружия и стали эксплуатировать, как и алеутов, на морских промыслах, рекрутируя в байдарочные флотилии — так называемые «партии», а с индейцами атапасками и частично эяками и чугачами вели неэквивалентный обмен, используя свое монопольное положение поставщиков европейских товаров. Так, танаина и чугачи получали за шкуру бобра нитку бисера длиной в сажень, за двух больших речных бобров — фунт табака, за четырех бобров — медный фунтовый котелок, за шесть бобров — один аршин фриза (грубой шерстяной материи) [Хлебников 1979: 41]. Отличие подобной «свободной» торговли от сдачи зависимыми туземцами мехов за долги заключалось, видимо, не столько в стоимостном выражении, сколько в несколько большем ассортименте предлагаемых товаров и возможности их выбора. Правда, раскопки американских археологов однозначно указывают на весьма скудный набор европейских предметов на местах русских поселений той поры [Crowell 1997: 52, 219, 221, 230].

Чтобы как-то компенсировать хронический недостаток европейских товаров в обменных операциях с зависимыми туземцами (алеутами, эскимосами аляутиик и частично чугачами), русские стали платить им за добытые на морских промыслах каланьи меха традиционными предметами туземного производства — дублеными тюленьими шкурами — и одеждой — теплыми парками и непромокаемыми камлеями, сшитыми в виде плащей с капюшоном из кишок животных. Эти вещи русские получали в результате эксплуатации труда каюров, бывших фактически рабами купеческих компаний. Каюрами становились отнятые или выкупленные русскими у туземцев рабы, преступники и злостные должники. К заготовке сырья и пошиву парок и камлей, помимо каюров, активно привлекались также старики, подростки и жены зависимых туземцев, уходивших летом на отдаленные морские промыслы. На каждого остававшегося дома туземца налагался своеобразный оброк: ему полагалось доставить русскому приказчику не менее 250 птичьих шкурок, из которых женщины шили парки (на одну уходило около 35 шкурок, т.е. оброк составлял семь парок). Охотнику, добывшему положенное число шкурок, выда-

валась одна парка (это и была плата за его труды), а за нее приказчик требовал добыть пять лисиц или выдр. При этом любая ценная пушнина тут же изымалась у зависимых туземцев за минимальную плату, а то и просто отнималась русскими промышленниками. Если до их прихода алеутки и эскимоски о-ва Кадьяк шили парки из шкур каланов, морских котиков и лисиц, то теперь им приходилось довольствоваться шкурками сурков, сусликов-евражек или морских птиц (топорков и ипаток) [Sauer 1802, Appendix: 55–56; Гедеон 1994: 82–84]. Сшитые из них парки вместе с камлеями и лафтаками при посредничестве русских приказчиков обменивались на каланьи меха, добытые на дальних промыслах взрослыми мужчинами-зверобоями (русские требовали шкуру калана за одну парку). Те вынуждены были идти на такой, по сути, грабительский обмен, поскольку, отправленные русскими в промысловые экспедиции почти на весь период летнего охотничьего сезона, они часто просто не успевали заготовить себе на зиму даже рыбу, не говоря уже о шкурах животных и птиц, необходимых для изготовления теплой одежды и байдарок, без которых охотники Субарктики просто не могли обойтись [Гринёв 2000: 77–80].

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX в. на Алеутских о-вах и Южной Аляске русские сформировали весьма специфическую систему товарообмена с использованием принудительного труда и сдачей пушнины в обмен на традиционную туземную одежду и материал для обшивки байдарок с прибавкой, в случае успешного промысла, небольшого количества дополнительных товаров в виде бус, котелков, табака и тому подобных вещей.

Совсем иные взаимоотношения сложились у русских с воинственными индейцами тлинкитами, населявшими берега и острова Юго-Восточной Аляски. Уже первый торговый контакт с этими индейцами в заливе Якутат в 1788 г. показался русским достаточно необычным. В отличие от эскимосов и атапасков, тлинкиты не проявляли большого интереса к бисеру и бусам, предпочитая приобретать в первую очередь самые практичные вещи. Командовавшие зашедшим в Якутат русским галиотом подштурман Г.Г. Измайлов и штурманский ученик Д.И. Бочаров отмечали в своих записях: «Жадно меняются на разное платье, железо, котлы и кубы [металлические емкости]; другие же вещи, как то одекуй [мелкий бисер] и бисер, не столь принимают охотно» [Шелихов 1971: 102]. У тлинкитов моряки галиота купили тогда, помимо пушнины, двух мальчиков-рабов, которые впоследствии стали переводчиками на службе у русских.

В отличие от других аляскинских туземцев тлинкиты с середины 1780-х гг. имели достаточно регулярные торговые связи

с британскими и американскими морскими торговцами, получая от них за пушнину множество товаров: металлическую посуду, ножи, топоры, ружья, одежду, материю, различные украшения, пищевые продукты (включая алкоголь). Порой тлинкиты обладали более широким ассортиментом европейских вещей лучшего качества, чем сами русские, которые не могли диктовать им цены и подчинить их силой оружия, как алеутов и южных эскимосов, для принудительного труда на промыслах. Поэтому в конце XVIII — начале XIX в. русские при контактах с тлинкитами нередко выступали как посредники в традиционной межплеменной торговле. Они снабжали этих индейцев не только европейскими, русскими и китайскими товарами (солдатское сукно, китайские ткани, голубой венецианский бисер и т.п.), но и полученными от эскимосов и атапасков дублеными лосиными кожами, шкурами морских котиков, сивучьими усами, парками из шкурок сурков, горностаевыми мехами и моржовыми клыками [ОР РГБ. Ф. 204. К. 32. Д. 4. Л. 1об., 5об., 30–30об.]. Впрочем, в погоне за прибылью к аналогичным мерам прибегали и американские морские торговцы, иногда продавая тлинкитам за меха дубленые лосиные шкуры, выменянные у индейцев бассейна р. Колумбия, раковины денталии (цукли), приобретенные у индейцев нутка, и даже рабов, купленных у квакиютлов [Drucker 1965: 194]. Русские не могли выдержать прямой торговой конкуренции с иностранными торговцами как из-за товарного дефицита, так и по причине нередко более низкого качества своих товаров; кроме того, их транспортные расходы были в два-три раза выше, чем у американцев и англичан.

Что касается товарообмена русских с зависимыми туземцами, то после образования из нескольких купеческих объединений монопольной Российско-американской компании (РАК, 1799), которой царское правительство передало в управление российские владения в Америке, в 1804 г. цены на пушнину были стандартизированы в соответствии с так называемой «колониальной таксой». Согласно ей, туземец мог получить за каланью шкуру не более 10 руб. товаром: один топор обходился ему в две каланьи шкуры (т.е. стоил 20 руб.), столько же стоил байковый капот; за одного калана русские давали один нож, или два фунта табака, или три нитки бисера длиной в три сажени, а большой котел шел за 10–12 каланов [Исследования русских 1994, 3: 164]. Для РАК подобный товарообмен был крайне выгоден, ведь в это время в России и на китайской границе стоимость одной каланьей шкуры могла достигать до 300 руб. и более.

Однако европейские товары редко доставались зависимым туземцам. Как свидетельствовал иеромонах Гедеон, побывавший

в начале XIX в. на о-ве Кадьяк, «русские товары по большей части выходят на русских промышленных; а кадьячане еще при отправлении в партию [на промыслы] в долг под бобров [каланов] забирают то лавтаками для байдар, то топорковыми парками, то кишечными камлейками, так что редкий остается не должным компании по окончании в партии промысла» [Геденон 1994: 76].

РАК наживалась и на качестве поставляемых в Русскую Америку товаров, что было следствием тотальной монополии, а также различных злоупотреблений, махинаций, а то и простого равнодушия приказчиков компании в Сибири и Охотске, снабжавших русские колонии залежалыми, некачественными, а часто и вовсе бесполезными товарами. Так, после ревизии складов компании на Уналашке и Кадьяке неофициальный глава РАК камергер Н.П. Резанов в 1805 г. с возмущением писал, что они завалены всяким хламом и вещами, которые никому не нужны, включая пудру, помаду, скверный мелкий янтарь, шелковые ленты, булавки, медные запонки и мешки пуговиц. В складах имелось 600 пар фарфоровых серег, но местные туземки носили в ушах белый бисер и их не брали [АВПРИ. Ф. Гл. архив I–7, 1802 г. Оп. 6. Д. 1. Папка № 35. Л. Зоб.–4]. Главный правитель Русской Америки А.А. Баранов, сообщал Резанов, однажды просил приказчиков РАК в Охотске прислать производимые в Тюмени ковры в 2,5 аршина длиной и шириной. Их охотно приобретали тлинкиты (используя затем в качестве накидок), давая за один ковер целую каланью шкуру. Ковры Баранов получил, но не того размера, и теперь они бесполезно гнили на складах РАК, т.к. индейцы отказывались их покупать [АВПРИ. Ф. Гл. архив I–7, 1802 г. Оп. 6. Д. 1. Папка № 35. Л. 4].

И в дальнейшем редкий главный правитель Русской Америки не жаловался на качество, количество и ассортимент товаров, присылаемых из России в колонии. Выходом из ситуации стали массовые закупки у американских и британских шкиперов, на которые вынужден был пойти главный правитель А.А. Баранов, несмотря на недовольство директоров из Главного правления (ГП) РАК в Петербурге, которые не поощряли торговых связей с зарубежными конкурентами. Тем не менее именно благодаря приобретению у американцев и англичан различных вещей и продуктов удалось смягчить товарный дефицит в колониях и частично даже на Камчатке и в Охотске в 1810-х гг. Более того, получив немало европейских товаров от иностранных торговцев, русские пытались начать полноценный товарообмен с тлинкитами в проливах архипелага Александра, хотя и без большого успеха из-за конкуренции со стороны американских предпринимателей. «Ограниченные ценами, Главным

Правлением поставленными, — писал в 1820-х гг. известный мореплаватель Ф.П. Литке, — колониальные начальства некогда не могли в сем торге выдержать состязания с судами Соединенных Штатов, и оттого вымен мехов от Колош [тлинкитов], всегда незначительный, сделался, наконец, ничтожным» [Литке 1834: 108].

Торговля с фактически независимыми индейцами Юго-Восточной Аляски осложнялась еще и тем, что русские воздерживались от продажи им спиртных напитков и огнестрельного оружия, которое те могли использовать во внутриведенных войнах и против русских. Со своей стороны, иностранные шкиперы имели полную свободу и в начале XIX в. завезли на северо-западное побережье Америки столько ружей, что индейцы, по словам русского морского офицера В.Н. Берха, распиливали ружейные стволы на кольца [Берх 1808: VII]. Предприимчивость и тяга к спекуляции у американских торговцев были поистине удивительны. Заметив, что тлинкиты высоко ценят шкурки горностаея, они закупили их в России и вскоре так наводнили ими индейский рынок, что цена на горностаев резко упала [Давыдов 1810: 176–177]. Другим примером изобретательности американских купцов может служить попытка нажиться на фарфоровых денталиях, специально заказанных в Англии. По форме, величине, цвету и блеску эти искусственные раковины очень походили на натуральные, но тлинкиты быстро опознали подделку, и афера сорвалась [Langsdorff 1812: 113].

Стремясь собрать как можно больше пушнины, американцы не гнушались продавать тлинкитам в больших количествах вест-индский ром, способствуя распространению среди индейцев алкоголизма. Естественно, такая бюрократическая организация, как РАК, с жуликоватым неповоротливым менеджментом и ставкой на монополию, вряд ли могла победить в конкурентной борьбе с предприимчивыми янки, которые в первые два десятилетия XIX в. почти безраздельно господствовали в пушной торговле на Юго-Восточной Аляске.

Куда больший успех сопутствовал агентам Российско-американской компании в торговых операциях с северными эскимосами и внутриматериковыми атапасками, которые в то время еще не имели прямых контактов с иностранными торговцами. Усилить товарообмен с ними компания была вынуждена после истребления значительной части популяции калана на северо-западном побережье Америки и на Алеутских о-вах к концу 1810-х гг. В результате байдарочные флотилии зависимых туземцев были сокращены, а обслуживающих их сырьем и удовольствием каюров с 1822 г. превратили в так называемых

«служащих алеутов» с ежегодным жалованьем в 60–180 руб. асс. [Grinev 2000: 13–15]. Для того чтобы компенсировать падение прибылей от уменьшившегося промысла калана, РАК в начале 1820-х гг. резко увеличила товарообмен с эскимосами низовой прр. Нушагак, Кускоквим и Юкон, а также с внутриматериковыми индейцами [Arndt 1992: 323–328; Vanstone 1992: 314–321]. Компания поставляла им по завышенным ценам различную материю, одежду, одеяла, железные и медные котлы, топоры, ножи, табак, голубой, белый, черный и красный бисер, крупные синие и мелкие зеленые бусы в обмен на тысячи шкур речных бобров, выдр, куниц, лис и меха других животных. О прибыльности такого обмена свидетельствует статистика. Например, в Ново-Александровском редуте (основан в 1819 г. в устье р. Нушагак) с 1 января 1831 г. по 31 января 1832 г. расходы РАК составляли всего 12 500 руб. асс. (траты на товары для обмена, годовое жалованье служащим и т.д.), а стоимость приобретенной пушнины, моржовых клыков и бобровых мускусных желез за этот период достигла почти 120 000 руб. асс. [Хлебников 1979: 79–80].

Главным объектом товарообмена на Севере был речной бобр, чья шкура выступала мерой стоимости других вещей. От размеров бобровой шкуры зависела ее цена, составлявшая по таксе РАК от 60 коп. до 1 руб. 20 коп. асс. Соответственно, за хлопчатобумажный платок стоимостью 4 руб. приказчик РАК требовал четырех бобров; за пять бобров эскимосы могли купить большой топор; одеяло стоимостью в 17 руб. русские продавали за 15 бобров; за рубашку с брюками просили десять бобров; один синий или голубой королек обходился туземцу в три-четыре бобра, а за один фунт черкасского табака (по цене 1 руб. 50 коп.) эскимос или индеец должен был отдать трех бобров. В то же время на международном рынке стоимость крупной бобровой шкуры доходила до 40 руб. и более [Хлебников 1979: 58–59, 80].

Не менее прибыльным для РАК, как уже говорилось выше, был и «товарообмен» с зависимыми туземцами — алеутами и кадьякскими эскимосами. Например, за шкуру чернобурой лисы алеут получал в лавке компании по таксе всего 2 руб. товаром, в то время как в России такая шкура стоила от 80 до 150 руб. За обыкновенную рыжую лису алеуту полагалось товара всего на 40 коп., тогда как в России ее шкура стоила от 15 до 25 руб. [К истории 1957: 33]. Но даже удачный промысел не всегда гарантировал удовлетворение потребностей алеута: из-за периодически случавшегося товарного дефицита у приказчиков РАК нередко отсутствовали нужные ему вещи. По этому поводу русский морской офицер М.Н. Васильев сообщал после посещения им о-ва Уналашка в 1821 г.: «Алеуты получают

плату тогда, когда товар есть, иным не заплачено за четыре года и должна Компания [некоторым] до 100 рублей» [Исследования русских 2005, 4: 108]. Но нередко бывало наоборот, когда туземный охотник попадал в долговую кабалу, механизм которой был отработан на протяжении многих десятилетий. Главный правитель Русской Америки М.И. Муравьев в депеше директорам РАК от 2 мая 1822 г. писал, что по его примерным подсчетам алеут осенью на промысле лисиц добывает в среднем шкур на 13 руб. 50 коп., в то время как забирает от компании в долг перед охотой парку, камлею, табак и тому подобное на сумму 17 руб. (евражечья парка стоила 8 руб., камлея — 5 руб., табак — 1 руб. 50 коп. за фунт [Хлебников 1979: 41; 1985: 105]). В итоге после промысла охотник зачастую еще оставался должным РАК 3 руб. 50 коп. При подобном раскладе, сетовал Муравьев, вряд ли можно ожидать от алеутов усердия на промыслах, и если бы он имел право, то в том же году повысил бы плату за пушнину, получаемую от туземных охотников [NARS. RRAC. Roll. 28. P. 57–57об.]. Кроме того, он ратовал за присылку в колонии как можно большего количества товаров, особенно одеял и табака, поскольку, подчеркивал он, «здесь по всему берегу Америки черкасский табак между жителями в большом употреблении и считается первою монетою для покупки в компанию промысла» [NARS. RRAC. Roll. 29. P. 232–232об.].

Директора РАК прислушались к рекомендациям Муравьева и в 1827 г. распорядились поднять колониальную таксу за приобретаемую у туземцев пушнину примерно в 2–2,5 раза в зависимости от сорта меха, так что теперь за каланью шкуру туземец получал 20 руб. товаром, за большого речного бобра — 2 руб. 50 коп., за большую выдру — 3 руб. 80 коп., за чернобурую лису — 6 руб. и т.д. [Тихменев 1861, 1: 319–322]. Это несколько повысило благосостояние зависимых туземцев. По свидетельству миссионера И.Е. Вениаминова, многие алеуты в начале 1830-х гг. уже имели рубашки, фризковые и суконные куртки, брюки и даже сюртуки, сапоги и фуражки, а алеутки — платья, шали и платки, правда, носили они все эти предметы туалета в основном в праздничные дни. Кроме того, у некоторых туземцев появилась русская посуда и сформировалась привычка пить чай [Вениаминов 1840: 236–238]. На особом положении находились алеуты на о-вах Прибылова, где располагались главные котиковые лежбища. Хотя за шкуру котика алеут получал по таксе 1827 г. всего 50 коп., а по таксе 1836 г. — 75 коп., обильный промысел давал неплохие заработки и возможность получить в колониальной лавке больше европейских товаров. Как сообщал Вениаминов, добыча котиков превратила алеутов о-вов Прибылова в наиболее зажиточных среди их сородичей,

хотя он и вынужден был признать, что в целом алеуты были весьма небогаты [Вениаминов 1840: 244]. За свои промыслы туземцы могли покупать у РАК различные ткани: ситец, серый и синий миткаль (суровую тонкую хлопчатобумажную ткань), синюю китайку; а также байковые одеяла преимущественно белого цвета, платки, серьги, кольца, порох, свинец и, конечно, черкасский табак и другие мелочи [Тихменев 1863, 2: 374].

Здесь следует уточнить, что товары, поставлявшиеся РАК, алеуты и кадьякцы могли получать не только в результате обмена на добытую пушнину, но и за выловленную рыбу, ее чистку, за собранные дрова, транспортные услуги, работы при разгрузке судов и т.д. Часто вместо товаров им выдавались так называемые «марки РАК», которые выполняли в Русской Америке функцию колониальных денег [Pierce 1990]. На эти марки туземец мог купить в лавке нужный ему товар (если он был в наличии). В целом же классический товарообмен не играл определяющей роли в экономических взаимоотношениях между русскими и зависимыми туземцами, поскольку здесь отсутствовали свободный рынок и конкуренция, а сдача мехов носила обязательный характер, при этом сами обменные операции были строго монополизированы и регламентированы РАК, директивно устанавливавшей цены на меха и привозные товары. Кроме того, часть привозных товаров попадала к туземцам не в результате обменных операций, а за услуги, работы или в виде заработной платы.

С другой стороны, с независимыми индейцами тлинкитами русские были вынуждены придерживаться стандартного товарообмена и платили им за пушнину в несколько раз больше, чем предусматривала колониальная такса для зависимых туземцев. Вообще взаимоотношения с этими воинственными и хорошо вооруженными индейцами складывались непросто. Лишь после нескольких ожесточенных столкновений в начале XIX в. русским удалось закрепиться в стране тлинкитов на о-ве Ситха (Баранова) в 1804 г., где они отстроили столицу колоний — Ново-Архангельск. Последовавший затем длительный период «холодной войны» характеризовался минимальными торговыми контактами между русскими и тлинкитами. Лишь в 1820–1830-х гг. постепенно стала развиваться взаимовыгодная торговля, особенно усилившаяся в связи с улучшением товарного снабжения из Сибири и Петербурга, а также в результате закупок с американских торговых судов. Для приобретения у тлинкитов продовольствия и пушнины у стен Ново-Архангельска в 1831 г. был учрежден «Колошенский рынок», специальная «колошенская лавка» и установлена такса «для покупки от колош припасов» [Хлебников 1985: 142].

Немаловажную роль в активизации торговых связей с тлинкитами начала играть и конкуренция со стороны британской Компании Гудзонова залива (КГЗ), которая все ближе придвигала свои фактории в Канаде к южным и восточным границам Русской Америки, оформленным согласно конвенциям с США и Англией в 1824 и 1825 гг. [ПСЗРИ 1830, 39: 253; 40: 74]. Хотя в этих конвенциях специально оговаривался запрет на продажу туземцам Аляски любого вида оружия и алкоголя, американские и британские торговцы игнорировали его. Они сбывали тлинкитам столько спиртного, что те даже перепродавали ром русским промышленникам в Ново-Архангельске [NARS. RRAC. Roll. 33. P. 213об.].

Из-за возросшей конкуренции РАК отказалась от прежней политики запрета на продажу туземцам огнестрельного оружия и спиртного. В 1830 г. тлинкиты получали за шкуру калана девять одеял по 10 руб. каждое, $\frac{1}{4}$ ведра рома (5 руб.), 1 фунт киновари (10 руб.), 4 фунта табака (по 1,5 руб. за фунт), 5 аршин миткаля (по 4 руб. за аршин) — всего товарами на 131 руб. [Хлебников 1985: 140]. Достаточно сравнить эту сумму с 20 рублями, положенными алеуту или эскимосу Кадьяка за каланью шкуру после увеличения таксы в колониях в 1828 г. Более того, для удовлетворения прихотей тлинкитов русские специально шили одежду по их вкусу, включая красные плащи (превыше всего индейцы ценили вещи красного цвета) [NARS. RRAC. Roll. 30. P. 197]. Позднее была даже сделана попытка заказать в России деревянные маски для тлинкитов (наподобие маскарадных), но присланные в колонии, они плохо раскупались индейцами из-за их непрочности [NARS. RRAC. Roll. 44. P. 260; Roll. 47. P. 342].

Для улучшения своих позиций в торговом соперничестве с КГЗ главный правитель Русской Америки А.И. Купреянов в 1837 г. запретил разводить ром водой при продаже тлинкитам (как это делали англичане), а в 1839 г. распорядился выдавать им товары под залог, делать прибавку за пушнину патокой, сухарями, ромом, жилетами и фуражками, продавать ружья с красными прикладами, бритвенные шкатулки и красные рубахи [NARS. RRAC. Roll. 39. P. 36 об.; Roll. 42. P. 454–455]. Администрация российских колоний угощала индейских старейшин и одаривала их различными вещами, вручала наиболее лояльным из них серебряные медали с надписью «Союзные России». А чтобы усилить эффективность торговли с тлинкитами, русские использовали некоторые элементы традиционного индейского этикета во время визитов судов РАК к тлинкитским селениям. В этом случае торговля никогда не начиналась непосредственно с товарообмена. Ей всегда предшествовала более или менее торжественная церемония, во время которой тлинкитов уго-

щали и делали им небольшие подарки, а те в ответ исполняли свои песни и танцы. Вот как описывал этот процесс очевидец — приказчик РАК Александр Марков:

Как церемониально съезжаются дикари на судно в тот день, который назначен для их угощения! С разных сторон залива тихонько плывут огромные баты [каноз], из которых в каждом сидит человек по 20 дикарей раскрашенных, с перьями, одетых в лучшие свои одеяния. С бубнами и песнями подплывают они к судну, становятся невдалеке от него всеми батами в один ряд, и показывают дружелюбное расположение свое пляскою, состоящую из разных кривляний, в продолжение которой беспрестанно посыпаются орлиным пухом; потом в чинном порядке лезут на палубу, где их угощают рисовою кашей с патокой. <...> По окончании пира, когда дикари начнут разъезжаться, надобно каждому подарить по листку табаку на дорогу; а некоторые, мимоходом, и так что-нибудь украдут; на этот предмет они очень просты [Марков 1856: 75–76].

Только на второй день начиналась собственно торговля — продолжительная процедура, требовавшая со стороны русских немалого терпения, поскольку индейцы, желая выгодно продать свою пушнину, очень долго рядились, а после заключения сделки еще требовали хотя бы маленькой прибавки (так называемый «истак»). Они были ловкими дельцами и прекрасно умели обращать международную торговую конкуренцию в свою пользу.

У русских тлинкиты приобретали главным образом шерстяные одеяла, которые выполняли у индейцев роль денег, и материю (в первую очередь миткаль). Все остальные товары играли второстепенную роль. При этом табак тлинкиты предпочитали не черкасский, а виргинский, купленный приказчиками РАК с американских кораблей; иногда индейцы брали медную и чугунную посуду, топоры, порох, зеркала, бисер, бритвенные шкатулки, медные пластины, фланелевые рубахи и т.п. [Хлебников 1985: 137, 140–141, 205]. В свою очередь индейцы продавали приказчикам РАК различные сорта пушнины, рыбу, дичину, а также цукли, получая 30 руб. асс. товаром за 100 раковин [Там же: 137]. Сами русские затем перепродавали цукли северным эскимосам и атапаскам, требуя всего за пару раковин целую бобровую шкуру [Хлебников 1979: 58]. Иногда у тлинкитов русские покупали плетеные водонепроницаемые шляпы по образцу матросских фуражек и европейских цилиндров [Vaughan, Holm 1990: 39–40] и так называемые «колошенские накидки» — темно-синие или черные одеяла, обшитые красным сукном и перламутровыми пуговицами. Стоили такие накидки чрезвычайно дорого. Лейтенант

Л.А. Загоскин, путешествуя в начале 1840-х гг. в районе Нижнего Юкона, имел среди товаров для торга с местными индейцами несколько «колошенских накидок», но только один из встреченных атапасков смог купить такую накидку, отдав за нее 15 речных бобров [Загоскин 1956: 280] (более 600 руб. по рыночной цене).

В отличие от тлинкитов, северные атапаски и эскимосы были поставлены РАК в жесткие рамки чрезвычайно заниженных закупочных цен и целиком зависели от милости главного монополиста, который беззастенчиво пользовался этим. Туземцы интуитивно понимали несправедливость установленных РАК расценок. Например, эскимосы, жившие на берегах зал. Нортон, где русские в 1833 г. выстроили Михайловский редут, жаловались прапорщику Корпуса флотских штурманов А.Ф. Кашеварову, «что плата в редуте за промыслы, которые они достают с большим трудом, очень дешева, что одна только крайняя нужда в табаке, который сделался для них столь же необходимым, как и пища, принуждает их торговаться с русскими» [Хлебников 1979: 235]. Вообще туземцы не всегда были рады появлению русских торговцев, видя в них конкурентов в традиционном межплеменном товарообмене. В частности, основание Михайловского редута на одном из наиболее оживленных торговых путей вызвало недовольство эскимосов малеймяотов и азиякмяотов, игравших видную роль в товарообмене между туземцами бассейна Юкона и чукчами. Уменьшение притока пушнины побудило их попытаться, хотя и безуспешно, уничтожить Михайловский редут в 1835 г. [Тихменев 1861, 1: 287–288; Загоскин 1956: 68–69, 109].

Установлению полной торговой монополии РАК в районе Берингова пролива мешала старинная меновая торговля азиатских чукчей с американскими эскимосами. За аляскинскую пушнину чукчи продавали эскимосам оленьи кухлянки (меховые глухие куртки в два слоя) и русские товары, полученные ими от колымских купцов. Помимо чукчей, конкурентами РАК в этом районе с конца 1840-х гг. становятся иностранные, преимущественно американские, китобои [Ray 1992: 121–141] и даже суда самой РАК, направлявшиеся в район Берингова пролива для скупки пушнины у местных эскимосов. В 1838–1840 гг. здесь побывал бриг «Полифем», а в 1842–1843 гг. ту же миссию выполнял бриг «Охотск», команда которого променяла туземцам табак, бисер, металлические изделия за пушнину. При этом, по свидетельству Л.А. Загоскина, экипажи судов платили береговым эскимосам и чукчам за пушнину и моржовую кость табаком и другими европейскими товарами в 4–6 раз больше, чем служащие РАК в Михайловском редуте [Загоскин 1956: 58, 182].

Иностранцы китобойи и предприниматели не гнушались продавать берингоморским эскимосам в больших количествах огнестрельное оружие и спиртные напитки, от чего РАК в силу разных причин всегда старалась воздерживаться. В результате в начале 1860-х гг. эскимосы малеймюты, вооруженные благодаря американским китобоям огнестрельным оружием, истребили в районе зал. Коцебу всех оленей-карибу, продвинулись, гонимые голодом, на юг вдоль побережья и дошли до Уналаклитской фактории РАК, в окрестностях которой и осели, занявшись посреднической торговлей между внутриматериковыми индейцами и китобоями, посещавшими побережье. В итоге пушной зверь здесь был быстро истреблен, а среди местных туземцев распространилось пьянство [Фурругельм 1864: 4, 24–26].

Не оставляли РАК в покое и торговые конкуренты с востока: в 1847 г. агенты Компании Гудзонова залива заложили новую факторию Форт-Юкон у слияния р. Поркьюпайн с Юконом, причем на землях Русской Америки к западу от 141° з.д. Основатель этой фактории Александр Мюррей признавал, что находится на чужой территории, но решил не отступать, пока русские не заявят официального протеста. Русские так и не сделали этого, и Форт-Юкон оставался на землях Аляски вплоть до ее продажи США в 1867 г. [Galbraith 1957: 159–160].

С момента своего основания эта британская фактория словно гигантский магнит начала притягивать меха индейцев долины Юкона, в том числе и с российской территории, поскольку за пушнину англичане платили больше, чем русские, а качество их товаров было выше [Whymper 1966: 189, 225]. Агенты РАК со своей стороны организовали во второй половине 1840-х гг. несколько торговых экспедиций вверх по Юкону до впадения в него р. Танана, но после нападения индейцев коюконов в 1851 г. на русскую факторию Нулато и убийства ее управляющего Василия Дерябина, а также в результате затруднения с поставками товаров из-за Крымской войны экспедиции прекратились. Они возобновились лишь в начале 1860-х гг., когда русские пытались конкурировать с англичанами из Форт-Юкона, которые со своей стороны сплавлялись вниз по Юкону до слияния с Тананой для скупки пушнины у местных индейцев [Arndt 1990: 180–192; Turck, Lehman Turck 1992: 53–54, 58].

Встречавшийся порой недостаток вещей европейского производства русские старались, как и прежде, компенсировать предметами, типичными для традиционной туземной торговли. Так, из-за трудностей доставки в Колмаковский редут на р. Кускоквим европейских товаров заметную роль здесь играли олени шкуры, поставлявшиеся с верховьев реки для сбыта

береговым эскимосам. В свою очередь дубленая тюленья кожа и жир приобретались у туземцев в низовьях реки для продажи индейцам верхнего течения [Загоскин 1956: 263].

Для того чтобы активизировать вымен пушнины у туземцев, РАК пыталась использовать торговых агентов из числа лояльных местных жителей, давая им товары компании под залог и организуя специальные торговые экспедиции служащих РАК к местам кочевок внутриматериковых атапасков и на стойбища береговых и речных эскимосов. Лейтенант Лаврентий Загоскин, который возглавлял исследовательскую экспедицию в глубинные районы Аляски (1842–1844), фактически также занимался скупкой пушнины у местных племен подобно другим подвижным торговым партиям РАК. Он приводил в своих записках перечень товаров для торговли с туземцами, которые он взял с собой, когда отправился на байдаре исследовать среднее течение Юкона в июне 1843 г.: 20 фунтов табака, 11 фунтов красного, белого и черного бисера, 80 ниток бус стального цвета, шесть пар серег бронзовых, 24 пары серег со стеклянными под эмаль подвесками, три пары медных и две пары железных браслетов, четыре якутские курительные трубки, 75 медных бубенчиков, 40 колокольчиков, шесть роговых гребней, четыре огнива, три небольших зеркала, четыре якутских ножа (так называемые «пальмы»), девять ножей-у́лу для чистки рыбы, восемь маленьких топоров под названием «алеутских», 400 иголок, 22 медных перстня, шесть оловянных трубок, 517 цуклей, десять дутых пуговиц, 20 пуговиц от морской формы [Загоскин 1956: 153].

Благодаря меновой торговле с русскими, быт туземцев постепенно улучшался. Загоскин свидетельствовал в начале 1840-х гг., что не прошло еще и десяти лет после начала интенсивной торговли РАК на берегах Берингова моря и в глубинных районах Аляски, как местные туземцы оставили каменные топоры и ножи-у́лу, палочки для добывания огня, костяные иглы и тому подобные предметы, заменив их европейскими металлическими аналогами [Загоскин 1956: 197, 280]. Если первоначально после основания фактории Нулато на Нижнем Юконе в 1839 г. местные индейцы охотно скупали белый и красный бисер, цукли, котлы, медные кружки и другие металлические изделия, то со временем стали требовать ситцевые рубахи, одеяла, одежду из сукна, шапки, а некоторые даже сапоги [Там же: 183]. Загоскин описал одного известного на Кускоквине торговца-атапаска, который имел в своем жилище скамейки, стулья и даже сделанную из вербовых обручей «люстру» со вставленными в нее шестью лампами-жирниками; сам же хозяин дома был одет в европейскую рубаху, штаны и картуз [Там же: 236].

Однако РАК вовсе не стремилась потакать всем прихотям «дикарей». Согласно § 162 и 176 Устава компании, принятого в 1844 г., главному правителю Русской Америки предписывалось следить, чтобы туземцы, в первую очередь зависимые от компании, не заводили никаких излишних и роскошных (с точки зрения колониального начальства) предметов и не имели связей с иностранцами [ПСЗРИ 1845: 628–629]. Поэтому коренные жители российских колоний согласно букве закона в принципе не могли стать богатыми людьми благодаря своему труду или торговле, ведь что им продавать, в каком количестве и по какой цене, в конечном счете решало руководство РАК. Даже официальный историк компании П.А. Тихменев, которого было трудно заподозрить в критическом отношении к деятельности РАК, признавал, что пушной промысел не позволял туземцам обеспечить себя и свои семьи достаточным заработком для приобретения продовольствия [Тихменев 1863, 2: 237–238]: его они вынуждены были заготавливать уже после окончания летнего промыслового сезона, во время которого работали на компанию. Правительственный ревизор С.А. Костликов писал в начале 1860-х гг.:

Трудясь всю жизнь усиленно и весьма часто, по роду самих промыслов, с опасностью для жизни, можно было бы надеяться, что алеуты, если не все богаты, то, по крайней мере, живут в довольстве, обеспеченные всем необходимым. — Но, к сожалению, в действительности представляется совершенно противное [Приложения к докладу 1863: 49–50].

Искусственное ограничение спроса, товарный дефицит, завышенные цены, поставки низкокачественных вещей и административное нормирование позволяли РАК извлекать монопольные сверхприбыли, скрывая под маской специфического товарообмена распределительную систему, имевшую мало общего со свободным рынком. И хотя в 1836 и 1850 гг. колониальная такса за меха, приобретаемые компанией от туземцев, была заметно повышена (например, за шкуру калана алеут теперь получал 50 руб. вместо 10, как в начале века), тем не менее эскимосы Кадьяка в начале 1860-х гг. жаловались правительственным ревизорам на то, что компанейская такса слишком низка и не вознаграждает усилий при промысле пушнины, а товары РАК чрезмерно дороги, да и тех часто не хватает [Приложения к докладу 1863: 61]. Об этом прямо писал ревизор П.Н. Головин:

Алеуты не имеют права продавать свои промыслы кому бы то ни было, кроме компании, точно также и покупать что либо иначе, как из компанейских магазинов. От этого случается иногда, что алеут просит чаю, а ему дают одеяло; просит красного миткалю,

а ему дают синего; просят муки, а ему предлагают сапожный товар» [Головин 1863: 180].

Особенно обидно для алеутов и кадьякцев было сравнение цен, по которым они были вынуждены сдавать пушнину приказчикам РАК, с теми ценами, по которым эти приказчики покупали меха у независимых тлинкитов. Это понимали и служащие компании. Так, старый приказчик РАК, выезжая из колоний, сетовал на ее несправедливость:

Тут чего и говорить; вон алеут, ему за бобра [калана] дают только 50 рублей ассигнациями, да и то говорят: покупай на них то, что есть в лавке, а там другой раз даже ни чаю, ни муки не бывает. А вить Калошу, который живет около Ситхи, дают и по 300 рублей за бобра, потому что знают, ежели они [приказчики РАК] у него не купят бобра, так он увезет его англичанам, от которых получит в трое лучшие товары, нежели от наших [РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 261. Л. 89об.—90].

Не имея возможности выгодно продать каланьи меха, некоторые алеуты и кадьякцы придерживали их у себя, лишь бы не сдавать РАК за бесценок, о чем свидетельствовал поручик Корпуса флотских штурманов Н.Х. Бенземан [РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 261. Л. 90]. Фактически зависимые туземцы занимались в данном случае саботажем, протестуя таким пассивным образом против экономической политики РАК. Об аналогичной ситуации среди индейцев танаина писал в начале 1860-х гг. игумен Кенайской миссии Николай:

Вся операция торговли в компанейских руках, от того туземцы неохотно промышляют — недовольны платою за свои товары. <...> Вот, например, соболей [куниц] здесь очень много и хорошие, но их почти не промышляют, только мальчишки вместо забавы добывают, из хороших шьют себе парки, а похуже несут в компанию. Говорят: «Все равно дадут рубль, у компании глаз нет» [Якимов 2001: 227].

Таким образом, туземцы не проявляли большой заинтересованности в развитии пушных промыслов и товарообмена, что имело важные социально-экономические последствия. К концу существования Русской Америки РАК уже не могла покрывать свои расходы по снабжению колоний и содержанию Главного правления, выплачивать дивиденды и позволять себе другие траты за счет традиционного пушного промысла и торговли мехами. Об этом свидетельствует статистика: содержание колоний и «компанейского управления» обошлось РАК за десятилетие 1850–1859 гг. в 5 268 142 руб. 55 коп. сер., в то время как от продажи приобретенной в колониях пушнины РАК получила за это же время только 4 228 632 руб. 19 коп. сер. Таким

образом, за десятилетие дефицит составил немалую сумму в 1 039 510 руб. 36 коп. сер. Значительная часть его, правда, была компенсирована за счет торговых наценок на ввозимые в колонии товары, от которых РАК получила доходов на 926 184 руб. сер. Но и в этом случае общий дефицит составил 113 326 руб. сер. [Доклад Комитета 1863: 386–387, 400–401]. Здесь следует добавить, что ситуацию с финансами компании в значительной мере ухудшали неустойчивость пушного промысла и торговли и особенно медленный оборот капитала (2–5 лет), что порождало недостаток оборотных средств. Отсутствие свободных денег при обязательных платежах в казну заставляло РАК прибегать к займам необходимых сумм в банках под высокий процент. Лишь доходы от чайной торговли с Китаем позволяли компании не только находиться «на плаву», но даже выплачивать своим акционерам довольно приличные дивиденды до 1863 г., когда чайную торговлю РАК поразил тяжелый кризис.

Нельзя сказать, что руководство РАК не предпринимало никаких мер к улучшению ситуации с пушным промыслом и торговлей. К концу существования Русской Америки каждый алеут или эскимос для стимулирования промысла во время нахождения в составе байдарочной партии для добычи каланов получал от РАК бесплатно 7,5 фунтов муки, 1,5 фунта табака и чай с сахаром, а охотникам на птичьих промыслах еще с 1820-х гг. стали выплачивать за каждую пойманную птицу по 6 коп. асс., причем компания платила еще по 75 коп. за выделку птичьих шкурок и шитье одной парки [Тихменев 1863, 2: 370, 377–378]. В ряде случаев делались попытки выйти из жестких рамок «колониальной таксы». Когда во время летней навигации 1860 г. пароход РАК «Император Александр II» ходил в район Берингова пролива для обеспечения товарами Михайловского редута и торговли с берингоморскими эскимосами, ГП РАК распорядилось почти в два раза поднять таксу на приобретаемые у них меха, учитывая конкуренцию на севере с иностранными китобоями и чукчами [Отчет Российско-американской компании 1861: 44–45, 49–59, 61–62]. В это же время главный правитель Русской Америки И.В. Фургельм предлагал для борьбы с иностранными конкурентами ввести в ассортимент продаваемых туземцам товаров водку, увеличить состав служащих РАК в «передовых постах», предоставить им определенный процент с приобретаемых у туземцев мехов и увеличить платежи тлинкитам за пушнину [Фургельм 1864: 31].

Между тем иностранная конкуренция продолжала усиливаться, подрывая монополию РАК на пушную торговлю. На севере иностранные (в основном немецкие и американские) предприниматели развернули регулярную торговлю с эскимосами

и чукчами в районе Берингова пролива; с востока на территорию Русской Америки проникали подвижные охотничьи и торговые партии агентов КГЗ, а на юге российских владений в Америке в районе архипелага Александра в начале 1860-х гг. появились многочисленные мелкие торговцы из Британской Колумбии, скупавшие пушнину у тлинкитов и хайда-кайганы за различные товары, и в первую очередь за спиртное, в которое предприимчивые дельцы подмешивали, по словам Фуругельма, различные «одуряющие вещества» [Фуругельм 1864: 28–30]. Кроме того, многие из тлинкитов предпочитали продавать свои меха в факториях КГЗ на западном побережье Канады, где получали за них британские товары по относительно низкой цене, более высокого качества и широкого ассортимента [NARS. RRAC. Roll. 63. P. 81об.]. Поэтому для успешного противодействия конкурентам и усиления заинтересованности туземцев в промыслах и торговле РАК необходимо было кардинально перестроить свою деятельность, но Главное правление в Петербурге не захотело, да и просто не успело этого сделать, т.к. Аляска была в 1867 г. внезапно продана царским правительством США безо всякого согласования с руководством компании.

Подводя общие итоги, можно сделать следующие выводы. Товарообмен между русскими и коренными жителями Аляски выступал как один из важнейших, определяющих процессов российской колонизации. Основными объектами торговли служили различные предметы европейского, русского, американского и китайского происхождения, которые обменивались в первую очередь на аляскинскую пушнину. Благодаря меновой торговле завозимые русскими товары проникали далеко в глубь Аляски и на сопредельные территории Канады. При этом на начальном этапе российской колонизации ассортимент предлагавшихся туземцам товаров был очень невелик и включал в себя в основном вещи русского производства (медные котелки, иглы, рубахи и т.п.) и китайские материи, бусы и табак, причем к концу XVIII в. последний совершенно вышел из оборота и его место с 1830-х гг. занял китайский чай, к которому пристрастились алеуты и южные эскимосы. Европейская продукция была представлена в основном некоторыми сортами материи, а также бусами и бисером, экспортировавшимися из Венеции, Богемии и Германии. Лишь с начала XIX в. товары, произведенные в Европе и США, стали занимать видное место в торговле русских с туземцами после их закупок с американских и британских кораблей. В дальнейшем эта тенденция сохранялась, и начиная с 1830-х гг. Российско-американская компания осуществляла целенаправленные поставки в колонии многих товаров из портов США, Англии

и Германии на собственных или фрахтованных судах. Главными предметами экспорта, которые затем обменивались на туземную пушнину, были одеяла, материя, виргинский табак (для торговли с тлинкитами), некоторые мануфактурные и фабричные изделия. Что касается товаров российского происхождения, попадавших к туземцам в результате товарообмена, то наряду с некоторыми видами материи и металлическими предметами (топоры, ножи, иглы, медная и чугунная посуда) едва ли не главным универсальным товаром был черкасский табак, который служил и единицей меновой стоимости, и средством трудового стимулирования.

В отличие от французов и англо-американцев, русские первоначально не продавали туземцам огнестрельное оружие, хотя алеутам и другим зависимым туземцам ружья и пистолеты обычно выдавали во временное пользование для промысла крупного зверя или обороны от возможного нападения враждебных индейцев во время дальних промысловых экспедиций в конце XVIII — начале XIX в. Продажа ружей туземцам началась в очень ограниченных масштабах с конца 1820-х гг., когда их стали приобретать у ПАК тлинкиты, а затем алеуты и атапаски танаина (ГП ПАК санкционировало продажу им винтовок в 1836 г. [NARS. RRAC. Roll. 38. P. 349об.]).

Спиртное также не получило распространения у русских в качестве объекта торговли с туземцами Аляски. Официально его использовали лишь в торговле с тлинкитами в период с 1830 до 1842 г. (когда было заключено соглашение с КГЗ о взаимном отказе от продажи алкоголя индейцам северо-западного побережья Америки). Правда, в дальнейшем тлинкиты (как, впрочем, и зависимые от ПАК туземцы) получали спиртное в виде угощения, но не товара. Более того, русское колониальное начальство старалось всячески оградить туземцев от алкоголизма. Например, главный правитель Русской Америки барон Ф.П. фон Врангель запрещал начальнику Михайловского редута Ивану Козьмину приучать местных жителей к употреблению алкоголя [NARS. RRAC. Roll. 35. P. 124об.]. А в 1844 г. в новый Устав ПАК был введен § 286, который налагал запрет на торговлю алкоголем с «независимыми инородцами» [ПСЗРИ 1845: 638].

Этими ограничениями и запретами ловко пользовались торговые конкуренты русских, в первую очередь американские и британские торговцы, которые еще с конца XVIII в. наладили выгодную торговлю сначала с тлинкитами Юго-Восточной Аляски, а затем с берингоморскими эскимосами и внутриматериковыми атапасками. Русские не могли успешно соперничать с иностранными торговцами по причине не только бюрократи-

ческих запретов, но и более высоких транспортных издержек, хронического товарного дефицита, зачастую более низкого качества товаров и их ограниченного ассортимента (из-за относительно слабого развития российской промышленности и торговли). Поэтому, с одной стороны, русские были вынуждены, особенно на начальном этапе колонизации, активно использовать в торговле с туземцами предметы их традиционного производства и обмена: лафтаки для обтяжки байдарок, цукли, шкурки горносталя, дубленые лосиные шкуры и т.п.; а с другой — закупать многие товары у своих иностранных конкурентов.

В целом на Аляске в русский период сложилось несколько вариантов системы товарообмена между русскими и местными жителями. Первый вариант представлял собой принудительный формализованный товарообмен, который был реализован во взаимоотношениях русских с зависимыми туземцами — алеутами и южными эскимосами — с использованием внеэкономического принуждения и долговой кабалы. Второй вариант товарообмена сложился у русских с племенами внутриматериковых атапасков и с некоторыми группами берингоморских эскимосов, не имевших непосредственных контактов с европейскими торговцами. Это позволяло русским диктовать свои расценки на завозившиеся товары и покупаемую у туземцев пушнину, но без принуждения последних в обязательном порядке променивать все добытые ими меха приказчикам РАК. Наконец, третий вариант, условно говоря, «классический товарообмен», сложился при контактах русских с тлинкитами, где обе стороны выступали как равные партнеры в рамках острой международной торговой конкуренции. При этом второй вариант товарообмена мог постепенно трансформироваться в третий, как это произошло после появления американских китобоев у западного побережья Аляски и агентов Компании Гудзонова залива на Среднем Юконе. Кроме того, традиционная посредническая межплеменная торговля также косвенно подрывала монополию РАК на торговлю даже с теми туземными группами, которые не имели прямого выхода на иностранных торговцев. Их товары туземцы могли получать через третьи руки, к примеру, тлинкиты продавали немало европейских вещей, включая ружья, внутриматериковым атапаскам тутчен, от которых они попадали к атна и чугачам [Хлебников 1985: 82].

Какой же из вариантов товарообмена с туземцами доминировал в российских колониях на Аляске? Для ответа на этот вопрос обратимся к статистике и данным о стоимости реализованных мехов. Основную прибыль Российско-американская компания извлекала, продавая шкуры каланов и морских ко-

тиков, добывавшихся зависимыми туземцами (первый вариант товарообмена). Например, согласно финансовой статистике РАК за 1866 г., от реализации шкур каланов и котиков в 1865–1866 гг. компания получила 334 448 руб. сер., в то время как от сбыта шкур сухопутных пушных животных, приобретавшихся как у зависимых, так и у совершенно независимых племен, всего 73 000 руб., т.е. более чем в 4,5 раза меньше [Исследования русских 2010, 5: 392]. Другими словами, сектор свободного товарообмена (второй и третий вариант) с представителями независимых и полузависимых племен не играл определяющей роли в общей экономической структуре колониального хозяйства. Вместе с тем эффективное развитие экономики было невозможно, поскольку сковывалось бюрократическим характером РАК, мелочной регламентацией и ограничениями, негибкой ценовой политикой и слабым менеджментом, а главное — невысокой заинтересованностью аляскинских туземцев в пушном промысле и торговле с русскими, особенно на заключительном этапе существования Русской Америки.

Хотя пушнина была главным объектом, приобретаемым у аляскинских туземцев, часть европейских, российских и китайских товаров местные жители получали за различные услуги и работы, а также за продукты питания, поставлявшиеся русским. Особенно много товаров за продовольствие получали тлинкиты — соседи Ново-Архангельска — за рыбу, ягоды, оленину, а также за картофель и репу, выращивать которые они научились у русских (см. подробнее: [Gibson 1987: 77–104]). В 1849 г., например, приказчиками РАК у индейцев было куплено 500 бочонков картофеля [NARS. RRAC. Roll. 56. P. 123]. В свою очередь РАК иногда продавала туземцам муку, рис и некоторые другие продукты питания. Кроме того, тлинкиты поставляли в Ново-Архангельск дрова, занимались чистить рыбу (это делали индианки), работать в порту, некоторые ходили матросами на судах РАК, получая, кроме форменной одежды и пайка, по два одеяла в виде ежемесячной платы [NARS. RRAC. Roll. 46. P. 323об.].

Товарообмен с русскими сказался в первую очередь на материальной культуре контактировавших с ними туземных групп. В начальный период колонизации это влияние носило ограниченный характер из-за недостатка товарной массы у самих русских и сводилось в основном к утилитарным предметам (железные лезвия, медные котелки, иглы и т.п.), а также украшениям (бисер, корольки). Однако после увеличения закупок с иностранных кораблей и поставок из Сибири, Петербурга, портов Европы и США быт туземцев, особенно зависимых от РАК, существенно преобразился благодаря появлению евро-

пейской посуды, инструментов и одежды. С помощью более эффективных железных топоров, ножей, металлических котелков, игл и лезвий туземцы могли гораздо легче разделять и обрабатывать мясо, рыбу, пушнину, готовить пищу, шить одежду, строить жилища. Со стальными наконечниками копий и стрел, а также с ружьями коренным жителям стало проще и безопасней добывать крупных и опасных животных: медведей, моржей, морских львов и лосей.

Но положительный эффект товарообмена имел и обратную сторону. Ради получения мехов и обеспечения продовольствием промысловых партий подверглись беспощадному истреблению многие популяции пушных и морских животных. Так, хищническая охота на о-вах Прибылова привела к тому, что уже к 1811 г., т.е. всего через 25 лет после их открытия, там были полностью выбиты каланы и почти целиком — многочисленные стада моржей [Вениаминов 1840: 295–296, 299]. Правда, РАК старалась проводить природоохранную политику, практикуя так называемые «запуски», т.е. запрещала производить в течение нескольких лет промысел на определенных территориях для восстановления там популяции пушного зверя и квотировала его добычу. Кроме того, на ряд Алеутских о-вов по распоряжению главных правителей были выпущены для размножения ценные породы лис и песцов, которые там ранее не водились.

Развитие пушной торговли трагически отразилось на судьбе туземцев. Многие погибли или получили увечья в результате несчастных случаев, от действия стихий, враждебных индейцев, от голода, болезней и эксплуатации на опасных морских промыслах или в ходе торговых экспедиций к отдаленным племенам для приобретения мехов для РАК. Кроме того, в интересах пушного промысла некоторые туземные общины и группы были принудительно перемещены на новые места обитания. С другой стороны, стремясь обеспечить бесперебойное поступление мехов от независимых туземцев, русские всячески способствовали прекращению межплеменных и клановых войн, поскольку они подрывали торговлю РАК. Например, в инструкции начальнику Михайловского редута Козьмину в 1833 г. главный правитель предписывал хорошо обходиться с местными жителями и постараться при необходимости примирить враждующие племена, «разъясняя им, что от ссор обе стороны теряют и что лучше промышлять и торговать, а не убивать друг друга» [NARS. RRAC. Roll. 35. P. 125об.]. Этот позитивный аспект также необходимо учитывать при общем анализе развития товарообмена между русскими и туземцами.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что русская пушная торговля со всей ее противоречивостью, сложностью и динамичностью оставила неизгладимый след в истории Аляски и населявших ее народов.

Список сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
 ГП РАК — Главное правление Российско-американской компании
 КГЗ — Компания Гудзонова залива
 ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
 РАК — Российско-американская компания
 РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 NARS — National Archives and Record Service, Washington, DC, USA

Архивные материалы

- АВПРИ. Ф. Гл. архив 1–7, 1802 г. Оп. 6. Д. 1. Папка № 35. Письма и донесения Н.П. Резанова, 1802–1806 гг.
 ОР РГБ. Ф. 204. К. 32. Д. 4. Письма, наставления, предписания и инструкции А.А. Баранова, 1801–1805 гг.
 РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 261. Макаров Степан Осипович. Дневники, записные книжки 1862–1879 гг.
 NARS. RRAC. Roll. 28. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 17 января 1822 до 24 декабря 1823 г.
 NARS. RRAC. Roll. 29. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 2 января 1824 до 31 декабря 1825 г.
 NARS. RRAC. Roll. 30. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 1 января 1826 г. до 30 мая 1827 г.
 NARS. RRAC. Roll. 33. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 1 января до 31 декабря 1831 г.
 NARS. RRAC. Roll. 35. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 5 января до 12 октября 1833 г.
 NARS. RRAC. Roll. 38. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 3 января до 21 декабря 1836 г.
 NARS. RRAC. Roll. 39. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 5 января до 21 октября 1837 г.
 NARS. RRAC. Roll. 42. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 3 января до 22 декабря 1839 г.
 NARS. RRAC. Roll. 44. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 25 мая до 31 декабря 1840 г.
 NARS. RRAC. Roll. 47. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 9 января до 31 декабря 1843 г.

NARS. RRAC. Roll. 56. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 7 января до 30 декабря 1850 г.

NARS. RRAC. Roll. 63. Донесения главного правителя Российских колоний в Америке, от 10 января до 31 декабря 1863 г.

Источники

Берх В.Н. Предисловие // Макензи А. Путешествие по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану совершенное господами Херном и Макензием с присовокуплением описания: меховой торговли в Канаде производимой, всех зверей в Америке обитающихся, нравов и обыкновений внутренних диких / Пер. с англ. на острове Кадьяк. СПб.: Морская тип., 1808. С. I—XIII.

Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1840. Ч. 2. 414 с.

Гедeon. Записки иеромонаха Гедeона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803—1808 гг. // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Отв. ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994. С. 39—121.

Головин П.Н. Из путевых заметок П.Н. Головина с предисловием В. Римского-Корсакова // Морской сборник. 1863. Т. 65. № 5. С. 101—182; Т. 66. № 6. С. 275—340.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб.: Морская тип., 1810. Ч. 1. 287 с.

Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: Тип. Деп-та внешней торговли, 1863. 404 с.

Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. / Общ. ред., прим. и комм. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956. 448 с.

Исследования русских на Тихом океане в первой половине XVIII — XIX в. Т. 1: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. (Сб. док.) / Сост. Т.С. Федорова (отв. сост.), Л.В. Глазунова, Г.Н. Федорова. М.: Наука, 1989. 319 с.; Т. 3: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799—1815. (Сб. док.) / Сост. Л.И. Спиридонова (отв. сост.), А.Е. Иоффе, Н.Н. Болховитинов (отв. ред.); гл. ред. А.Л. Нарочницкий, Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 1994. 377 с.; Т. 4: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815—1841 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005. 459 с.; Т. 5: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841—1867 (Сб. док.) / Сост. Т.С. Федорова, А.Ю. Петров, А.В. Гринёв; отв. ред. А.Ю. Петров. М.: Наука, 2010. 483 с.

- К истории Российско-американской компании (Сб. док. материалов) / Отв. ред. П.И. Павлов. Красноярск: Красноярский гос. архив; Красноярский гос. пед. ин-т, 1957. 181 с.
- Кук Дж.* Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом Океане в 1776–1780 гг. / Пер. с англ., вступ. ст. и комм. Я.М. Света. М.: Мысль, 1971. 636 с.
- Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света, совершенное по повелению Государя Императора Николая I, на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах капитаном Федором Литке: Отд. историческое, с Атласом, литографированным с оригинальных рисунков господ А. Постельса и барона Китлица, и описанием в 3 ч. СПб.: Тип. III Отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1834. Ч. 1. 294 с.
- Марков А.И.* Русские на Восточном океане. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. А. Дмитриева, 1856. 263 с.
- Отчет Российско-американской компании Главнаго Правления за 1860 г. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инж. части, 1861. 107 с.
- Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: Тип. Деп-та внешней торговли, 1863. 613 с.
- [ПСЗРИ 1830] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 39. 690 [5] с.; Т. 40. 136 с.
- [ПСЗРИ 1845] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года: В 55 т. с указ. СПб.: Тип. II Отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1845. Т. 19. 1081 с.
- Русская Тихоокеанская эпопея / Сост. и введ. В.А. Дивина; ист. очерки, комм. и примеч. В.А. Дивина, Г.Н. Исаенко, К.Е. Черевко. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1979. 607 с.
- Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящего времени. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1861. Ч. 1. 452 с.; 1863. Ч. 2. 671 с.
- Фуругельм И.В.* Отчет по управлению Российско-Американскими колониями с 1859 по 1863 год капитана 1 ранга Фуругельма. СПб.: Тип. Эдуарда Треймана, 1864. 63 с.
- Хлебников К.Т.* Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., авторы введ. и комм. Р.Г. Ляпунова, С.Г. Федорова. Л.: Наука, 1979. 277 с.
- Хлебников К.Т.* Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / Сост., предисл., комм. и указ. С.Г. Федоровой. М.: Наука, 1985. 298 с.
- Шелихов Г.И.* Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам /

Под ред., с предисл. и прим. Б.П. Полевого. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1971. 176 с.

Whytper F. Travel and Adventure in the Territory of Alaska. Ann Arbor, MI: Xerox Company, 1966. 331 p.

Библиография

- Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки: От родового строя к классовому обществу. М.: Наука, 1974. 348 с.
- Гринёв А.В.* Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических взаимоотношений // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 74–88.
- Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
- Шаповалов А.В.* Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое — чужое — наше: Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. С. 107–121.
- Якимов О.Д.* Николай Милитов — игумен кенайской православной миссии // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.): К 200-летию образования Российско-Американской компании: Мат-лы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 октября 1999 г.) / Отв. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Востока ДВО РАН, 2001. С. 208–229.
- Arndt K.L.* Russian-American Company Trade on the Middle Yukon River, 1839–1867 // Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska; August 19–22, 1987 / Ed. by R.A. Pierce. Kingston, ON: The Limestone Press, 1990. P. 180–192.
- Arndt K.L.* Tapping the Trade of the Middle Yukon // Bering and Chirikov: The American Voyages and Their Impact / Ed. by O.W. Frost. Anchorage, AK: Alaska Historical Society, 1992. P. 323–328.
- Cooper K.H.* Innovation and Prestige among Northern Hunter-Gatherers: Late Prehistoric Native Cooper Use in Alaska and Yukon // American Antiquity. 2012. Vol. 77. No. 3. P. 565–590.
- Crowell A.L.* Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America. N.Y.: Plenum Press, 1997. 286 p.
- Drucker Ph.* Cultures of the North Pacific Coast. San Francisco: Chandler Publishing Company, 1965. 243 p.
- Francis P., Jr.* Catalogue of the Beads in the Crossroads of Continents Exhibit // Anthropology of the North Pacific Rim / Ed. by W.W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington; L.: Smithsonian Institution Press, 1994. P. 281–305.
- Galbraith J.S.* The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1957. 500 p.
- Gibson J.R.* Russian Dependence upon the Natives of Alaska // Russia's American Colony / Ed. by S.F. Starr. Durham, NC: Duke University Press, 1987. P. 77–104.

- Grinev A.V.* The Kaiyury: The Slaves of Russian America // *Alaska History*. 2000. Vol. 15. No. 2. P. 1–18.
- Grinev A.V.* The Distribution of Alcohol among the Natives of Russian America // *Arctic Anthropology*. 2010. Vol. 47. No. 2: Issue in Honor of Don E. Dumond. P. 69–79.
- Langsdorff G.H. von.* Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807 von G.H. von Langsdorff. Frankfurt-am-Main: Verlag bei Friedrich Wilmans, 1812. Bd. 2. 353 S.
- Pierce R.A.* The Russian-American Company Currency // *Russian America: The Forgotten Frontier* / Ed. by B.S. Smith, R.J. Barnett. Tacoma, WA: Washington State Historical Society, 1990. P. 145–153.
- Ray D.J.* The Eskimos of Bering Strait, 1650–1898. Seattle; L.: University of Washington Press, 1992. 305 p.
- Sauer M.* An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia for Ascertaining the Degrees of Latitude and Longitude of the Mouth of the River Kovima: Of the Whole Coast of the Tshutski, to East Cape; and of the Islands in the Eastern Ocean, Stretching to the American Coast. Performed by Order of the Empress Catharine the Second, by Commodore Joseph Billings in the Years 1785, &c. to 1794. L.: A. Strahan for T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802. XXVI + [2] + 332 + 58 p.
- Turck T.J., Lehman Turck D.L.* Trading Posts along the Yukon River: Noochuloghoyet Trading Post in Historical Context // *Arctic*. 1992. Vol. 45. No. 1. P. 51–61.
- VanStone J.W.* The Russian Fur Trade in Southeast Alaska // *Bering and Chirikov: The American Voyages and Their Impact* / Ed. by O.W. Frost. Anchorage, Alaska: Alaska Historical Society, 1992. P. 314–321.
- Vaughan Th., Holm B.* Soft Gold: The Fur Trade & Cultural Exchange on the Northwest Coast of America. 2nd ed. Portland, OR: Oregon Historical Society, 1990. 297 p.

The Dynamics of Russian Barter Trade with Alaskan Natives 1741–1867

Andrei Grinev

Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, Humanitarian Institute
 Politekhnicheskaya st. 19, bldg 6, St Petersburg, Russia
 agrinev1960@mail.ru

This article is devoted to the dynamics of the barter trade between Russians and natives of Alaska under the Russian Empire. During the first stage of colonization, the Russians (unlike the English and the French), did not tend to barter trade because they preferred to catch the main riches of Alaska, especially the valuable furs, using

their own hands, or obtain them by exploiting local people in hunting parties using non-economic coercion to work and debt bondage. Moreover, the trade between the Russians and natives was complicated by the chronic deficit of wares, the high cost of delivery, relatively narrow assortment, and the prohibition of selling firearms and alcohol (with few exceptions). As the author demonstrates, during the Russian colonization of Alaska, three different systems of barter trade with their own dynamics formed. At the same time, the fur trade of the Russians in Alaska, though relatively profitable on the whole, was less effective than the trade operations of American and British traders, their competitors. The development of fur trade had a dramatic effect on the fate of many native people, but at the same time it helped to put an end to intertribal conflicts and improved the life of native people by affecting their material culture.

Keywords: Alaskan natives, Russian colonization, Russian America, barter trade, commercial competition, material culture.

References

- Arndt K. L., 'Russian-American Company Trade on the Middle Yukon River, 1839–1867', Pierce R. A. (ed.), *Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska: August 19–22, 1987*. Kingston, ON: The Limestone Press, 1990, pp. 180–92.
- Arndt K. L., 'Tapping the Trade of the Middle Yukon', Frost O. W. (ed.), *Bering and Chirikov: The American Voyages and Their Impact*. Anchorage, AK: Alaska Historical Society, 1992, pp. 323–28.
- Averkiova Yu. P., *Indeytsy Severnoy Ameriki. Ot rodovogo stroya k klassovomu obshchestvu* [Indians of North America. From the Clan System to Class Society]. Moscow: Nauka, 1974, 348 pp. (In Russian).
- Cooper K. H., 'Innovation and Prestige among Northern Hunter-Gatherers: Late Prehistoric Native Cooper Use in Alaska and Yukon', *American Antiquity*, 2012, vol. 77, no. 3, pp. 565–90.
- Crowell A. L., *Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America*. New York: Plenum Press, 1997, 286 pp.
- Drucker Ph., *Cultures of the North Pacific Coast*. San Francisco: Chandler Publishing Company, 1965, 243 pp.
- Francis P., Jr., 'Catalogue of the Beads in the Crossroads of Continents Exhibit', W. W. Fitzhugh, V. Chaussonnet (eds.), *Anthropology of the North Pacific Rim*. Washington; London: Smithsonian Institution Press, 1994, pp. 281–305.
- Galbraith J. S., *The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1957, 500 pp.
- Gibson J. R., 'Russian Dependence upon the Natives of Alaska', Starr S. F. (ed.), *Russia's American Colony*. Durham, NC: Duke University Press, 1987, pp. 77–104.

- Grinev A. V., 'The Kaiyury: The Slaves of Russian America', *Alaska History*, 2000, vol. 15, no. 2, pp. 1–18.
- Grinev A. V., 'Tuzemtsy Alyaski, russkie promyshlenniki i Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya: sistema ekonomicheskikh vzaimootnosheniy' [The Natives of Alaska, Russian Promyshlenniki, and the Russian-American Company: A System of Economic Relationships], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2000, no. 3, pp. 74–88.
- Grinev A. V., 'The Distribution of Alcohol among the Natives of Russian America', *Arctic Anthropology*, 2010, vol. 47, no. 2: Issue in Honor of Don E. Dumond, pp. 69–79.
- Langsdorff G. H. von, *Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807 von G. H. von Langsdorff*. Frankfurt-am-Main: Verlag bei Friedrich Wilmsen, 1812, vol. 2, 353 SS. (In German).
- Pierce R. A., 'The Russian-American Company Currency', Smith B. S., Barnett R. J. (eds.), *Russian America: The Forgotten Frontier*. Tacoma, WA: Washington State Historical Society, 1990, pp. 145–53.
- Ray D. J., *The Eskimos of Bering Strait, 1650–1898*. Seattle; London: University of Washington Press, 1992. 305 pp.
- Ryazanov V. T., *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii XIX–XX vv.* [The Economic Development of Russia in the 19th–20th Centuries]. St Petersburg: Nauka, 1998, 796 pp. (In Russian).
- Sauer M., *An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia for Ascertaining the Degrees of Latitude and Longitude of the Mouth of the River Kovima: of the Whole Coast of the Tshutski, to East Cape; and of the Islands in the Eastern Ocean, Stretching to the American Coast. Performed by Order of the Empress Catharine the Second, by Commodore Joseph Billings in the Years 1785, &c. to 1794*. London: A. Strahan for T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802, XXVI + [2] + 332 + 58 pp.
- Shapovalov A. V., 'Tabak v Zapadnoy Sibiri v XVII–XVIII vv.' [Tobacco in West Siberia in the 17th–18th Centuries], *Chuzhdoe — chuzhoe — nashе: Nablyudeniya k probleme vzaimodeystviya kultur* [Stranger — Stranger — Our: Supervisions for the Problem Interaction of Cultures]. Novosibirsk: NSPU Press, 2000, pp. 107–21. (In Russian).
- Turck T. J., Lehman Turck D. L., 'Trading Posts along the Yukon River: Noochuloghoyet Trading Post in Historical Context', *Arctic*, 1992, vol. 45, no. 1, pp. 51–61.
- VanStone J. W., 'The Russian Fur Trade in Southeast Alaska', Frost O. W. (ed.), *Bering and Chirikov: The American Voyages and Their Impact*. Anchorage, AK: Alaska Historical Society, 1992, pp. 314–21.
- Vaughan Th., Holm B., *Soft Gold: The Fur Trade & Cultural Exchange on the Northwest Coast of America*. Portland, OR: Oregon Historical Society, 1990, 297 pp.
- Yakimov O. D., 'Nikolay Militov — igumen kenayskoy pravoslavnoy missii' [Nikolai Militov — Abbot of the Kenai Orthodox Mission], A. R. Artemev (ed.), *Russkaya Amerika i Dalniy Vostok (konets XVIII v. — 1867 g.). K 200-letiyu obrazovaniya Rossiysko-Amerikan-*

skoy kompanii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Vladivostok, 11–13 oktyabrya 1999 g.) [Russian America and the Far East (End of the 18th Century — 1867). On the 200th Anniversary of the Formation of the Russian-American Company. Proceedings of the International Scientific Conference (Vladivostok, 11–13 October 1999)]. Vladivostok: IHAЕ FEBRAS, 2001, 208–29 pp. (In Russian).